

ФИЛОСОФИЯ КУЛЬТУРЫ П.Н. САВИЦКОГО

К.Б. ЕРМИШИНА

Творчество Петра Николаевича Савицкого (1895 – 1968) занимает особое место в культуре и науке русской эмиграции XX в. Больше всего он известен как один из основателей и лидеров евразийского движения 20-х и 30-х гг. XX в. Однако круг его исследований и творческих интересов был гораздо шире традиционного образа евразийца. Савицким написаны книги и статьи по географии, философии, истории, статистике, экономике, политике, лингвистике, литературоведению. Савицкий много сделал для создания научного, или академического евразийства, подразумевая под этим целую систему наук, направленных на изучение России-Евразии с точки зрения ее географического и культурно-исторического единства. Проведя значительную часть жизни в эмиграции (с 1920 г.), Савицкий до конца жизни оставался горячим патриотом России, внимательно следил за происходящим в Советском Союзе, верил в будущее духовное возрождение отечества после его освобождения от большевизма. В России, начиная с 90-х гг. XX в., научные труды Савицкого стали одними из самых востребованных при обращении к интеллектуальному наследию русской эмиграции. Однако возникает настоятельная потребность расширить представление о Савицком, который был не только автором историософских и геополитических идей, но и создателем оригинальной философии культуры.

Творческое наследие П.Н. Савицкого чрезвычайно богато и разнообразно. Сложилось представление о том, что Савицкий по преимуществу занимался историко-географическими темами: считается, что именно он предложил термин «Евразия», тем самым дав наименование движению «для обозначения специфики России как природно-географического и культурно-исторического мира в отношении к Европе»¹; «сформулировал основные географические и этнографические тезисы евразийства»² и т. д. О том что в евразийстве были особые «этнографические тезисы», которые сформулировал Савицкий, в данном случае спорить непродуктивно. Гораздо интереснее разобраться со специфическим мировоззрением Савицкого, ключ к которому, вероятно, можно найти в небольшой работе «Единство мироздания»³, где он формулирует закон, позже названный им «периодической системой сущего».

В этом тексте Савицкий указывает на то, что религиозное начало жизни укоренено в основах бытия, в звездных мирах, растительном и животном мире, психике человека, в социуме. Эта структура, с одной стороны, обуславливает единство сущего, с другой – задает ему ритм, отличающийся прерывностью, волнами приливов и от-

ликов. П. Серио, указывая на структуралистское (в широком смысле слова) мировоззрение П.Н. Савицкого⁴, подчеркивает и его отличие от классического европейского структурализма в том, что для него характерен холизм, понимание того, что идея, организующая бытие, есть нечто живое и реально существующее, в то время как для западных интеллектуалов структура и идея были мыслимым конструктом, удобным для исследования и понимания бытия. На горизонте такой интерпретации четко вырисовываются образы платонизма; утверждение Савицкого о том, что заряженность материи идеей делает ее способной к организации и самоорганизации, отсылает к философской традиции всеединства. В литературе о евразийстве можно встретить довольно причудливые толкования этой особенности его мировоззрения, например определение «пантеистический идеализм евразийской онтологии»⁵ или понимание евразийства как места встречи «диалектического метода в его неоплатонической и гегелевских интерпретациях... православной онтологии симфонических личностей, русского формализма, славянского структурализма»⁶.

Все сказанное должно приблизить нас к пониманию своеобразного метода работы Савицкого с фактами. Они для Савицкого не просто информационные единицы, но знаки, указывающие на реальность за ними стоящую. Позднее Савицкий назовет наиболее значимые события «фактами-пророчествами», которые способны указать, например, на состояние культуры, истории, дальнейшего развития народа и страны в целом. Сам Савицкий в письме к П.П. Сувчинскому от 5 ноября 1957 г. пишет о своем мировоззрении так: «Теперь два слова о моей “философии факта”. Я назвал бы ее “философией всегда насыщенного смыслом факта”. По моему мнению, среди исторических фактов *нет фактов случайных*. Есть факты выражающие “генеральную линию” данного момента (какова бы она ни была); есть “факты-отголоски” (отражения прошлого); и есть “факты-пророчества”. Я сказал бы что ЕА <евразийский> метод *есть именно метод выделения “фактов-пророчеств”*. Как мне кажется, небезынттересной иллюстрацией к этой мысли являются некоторые части и статьи нашего “Исхода к Востоку” 1921 г. Возвращаясь собственно к исторической области, я хотел бы сказать, что именно на основе “философии всегда насыщенного смыслом” и в определенном отношении *самодовлеющего факта* построены мои попытки определить “историческую кривую” конкретных периодов»⁷. Факты-пророчества способны, например, указать на будущий расцвет страны, в настоящем пребывающей в упадке. Эти факты (победы спортсменов, градостроительство, подвиг святости) высвечивают мощь духа, который прорвется и организует материю, предварительно подчинив ее себе. Философия «фактов-пророчеств» и «периодической системы сущего» была одной из оснований философии культуры П.Н. Савицкого. Вторым значи-

мым столпом философии культуры Савицкого был его патриотизм, горячая любовь к России-Евразии, вера в ее миссию и надежда на ее всемирное призвание и великое будущее.

Два названных мотива, переплетаясь, образовали оригинальное мировоззрение Савицкого, во многом определили его жизненные решения, отразились в его страстном темпераменте. Если Н.С. Трубецкой свой путь к евразийству начал с работ по мифологии и фольклору финно-угорских народов и Кавказа, Савицкий в гимназические годы занимался изучением истории и архитектуры Украины под руководством историка В.Л. Модзалевского, с которым имел дружеские и научные контакты начиная с 1911 г. Будучи учеником классической гимназии, вместе с Модзалевским в 1911 – 1914 гг., он объехал левобережную Украину, занимаясь научно-полевыми исследованиями. В 1912 – 1913 гг. Савицкий также объезжал старинные усадьбы Черниговской губернии и Подмосковья. Насколько можно судить по первым публикациям Савицкого⁸, главным образом его привлекала архитектура как исторический источник и культурно-исторический памятник. Особым вниманием Савицкого в 1913 – 1914 гг. пользовались выставки украинского зодчества в Харькове, о которых он поместил две статьи в газете «Черниговская земская неделя». Кроме того, он сам принял участие во второй выставке украинского зодчества, представив свою коллекцию фотоматериалов, посвященную архитектуре Черниговского края. Фотоматериалы были расположены по трем рубрикам: деревянное, каменное зодчество и каменницы Чернигова, снабженные подробными научными комментариями, включая обмеры и планы строений. Совместно с историком Модзалевским Савицкий готовил к изданию книгу «Очерки искусства старой Украины. Чернигов», которая сгорела в петроградской типографии во время революционной смуты 1919 г.

От украинского искусства, которое Савицкий воспринимал скорее как часть древнерусского, общероссийского наследия, он обратился к темам империи, империализма и нации, поместив в журнале «Русская мысль» в 1915 г. статью с характерным названием «Борьба за империю. Империализм в политике и экономике». Являясь в это время учеником П.Б. Струве, возглавлявшего на него большие надежды, Савицкий находился под влиянием учителя, что сказалось на избираемых темах и общем направлении исследовательской работы. В первые годы становления евразийства Савицкий был всецело увлечен новым мировоззрением, и проблематика культуры отошла на второй план, хотя он живо интересовался архитектурой и литературой. Так, например, в статье «Степь и оседлость», намечающей контуры будущей историософии евразийцев, Савицкий писал: «Нет ничего более шаблонного и в то же время неправильного, чем превозношение культурного развития дотатарской “Киевской” Руси, якобы уничтоженного и обогранного татарским нашествием... В области архитектуры упадок этот

выражается в том, что во всех важнейших центрах эпохи храмами, наиболее крупными по размерам, наиболее богатыми в отделке, неизменно являются наиранне-построенные; позднейшие киевские бледнеют перед Св. Софией, позднейшие черниговские – перед Св. Спасом, позднейшие новгородские – перед Св. Софией Новгородской, позднейшие владими́ро-суздальские – перед Успенским собором. Странное “обратное развитие” художественно-материальных возможностей: наикрупнейшее достижение – вначале, “сморщивание”, сужение масштабов... Если Св. София Киевская первой половины XI в. по размеру и отделке достойно противостоит современным ей романским храмам Запада, что значат перед Парижской Notre Dame, законченной в 1215 г., ее русские современники, вроде церкви Св. Георгия в Юрьеве-Польском или Новгородского Спаса Нередицы?»⁹ Отталкиваясь от художественных фактов-пророчеств, Савицкий отказывается считать время татарского нашествия эпохой деградации и упадка. На период татарского нашествия П.Н. Савицкий указывает как на начало русского духовного возрождения, связанного с именами преп. Сергия Радонежского и его учеников, в первую очередь, преп. Андрея Рублева: «В дотатарской Руси – отдельные черты, намеки; в Руси “татарской” полнота мистического углубления и постижения и ее лучшее создание – русская религиозная живопись: весь расцвет последней целиком умещается в рамки “татарского ига”»¹⁰

В период интенсивного общения с евразийскими лидерами П.Н. Савицкий обращается к теме, ранее для него не характерной – литературе, в первую очередь советской. В ней он ищет следы «пророчеств» о происходящем в Советской России и через зеркало советской литературы пытается разгадать будущее страны. Для Савицкого литература и культура такой же исторический факт, как любое другое событие – война, революция, освоение земель, реформы. На 1925 г. приходится пик увлечения Савицкого советской литературой, что находит выражение в его неопубликованной при жизни статье «Историко-географические заметки по поводу новой литературы (заметки евразийца)». По утверждению Савицкого, на современность и востребованность евразийства в 20-е гг., на соответствие его реальным процессам, происходящим на Родине, указывает советская литература. Советские авторы активно «осваивают» темы татаро-монгольского нашествия, истории и культуры Поволжья. О религиозных мотивах в советской культуре Савицкий писал в письме к П.М. Бицилли от 9 ноября 1925 г.: «...религиозная проблема, и притом чаще всего в *положительном* ее выражении, – стране, где власть “безбожника” – стоит в центре художественной литературы; от нее не в силах открутиться эклектический Пильняк; ею уязвлен сектант Есенин, (не буду упоминать о позднем Гумилеве, об Ахматовой и других “давних”); ею горит “Терновый венец” Яковлева (слова мучика Ивана Миронова в этой повести сопоставимы со словами старца

Зосимы); ею определена трагедия нового “бедного человека” (сюда же “Шинель” и “Му-му”) Андрея Петр<овича> Кавякина в “Записи некоторых эпизодов... в городе Гоголеве” (Л. Леонов. Рассказы. Москва-град, 1925); ощущением подлинного реального Божьего чуда овевяя конец “Петушихинского пролома” (тот же Леонов) — повести, вообще говоря, религиозно напряженной и “в связи времен” явленной...»¹¹

Савицкий в работе «Историко-географические заметки по поводу новой литературы» говорит о своем методе работы с литературными произведениями: «В области русской литературы за последние годы факты идут густо... Эстетическая отсылка и “формально” — литературный подход как самостоятельные элементы исключены из этой работы, и только изредка, и мимоходом отмечены стилистические и языковые особенности рассматриваемых вещей»¹². Для Савицкого и здесь литературное произведение в первую очередь — факт, отражающий реальность стоящую за ним, а именно, жизнь и самосознание народа, его историческую судьбу. В 1926 г. Савицкий опубликовал статью о зодчестве «Великороссия и Украина в русской культуре», которую первоначально планировал писать для евразийского издания. Савицкий поместил ее в нейтральное и малоизвестное варшавское издание «Родное слово» возможно потому, что высказываемые в ней мысли несколько противоречили уже сложившейся евразийской историософии, с ее уклоном на Восток и упреками Петру I в европеизации России, произведенной руками украинцев (идеи Н.С. Трубецкого).

По мысли Савицкого, культура России и Украины показывает динамику взаимоотношений двух территорий единого межкультурного (православного) пространства. Если до XIV в. зодчество было представлено единым типом строения, то, начиная с XIV и по XVII в. на Украине и в России создаются свои школы и стили в храмостроительстве и иконописи. Тем не менее, оба типа культуры по ряду признаков, показывают «*варианты одной и той же культуры, как две сестринские струи — выделяющиеся от всего, что их окружает*»¹³, отличаясь как от Востока, так и от Запада. Разделенные на два века, Россия и Украина обогатились синтезом во время объединения, когда на великороссийскую почву была перенесена украинская образованность, стиль и культура. Именно это позволило России стать великой империей, хотя и не без некоторых «неизбежных» жертв в виде церковного раскола и старообрядчества. Тревогу Савицкого вызывает творческое обнищание малороссов: «Украина принесла в русло общерусской культуры столь крупных проповедников, ученых, художников и писателей, как Симеон Полоцкий, Дмитрий Ростовский, Стефан Яворский, Левицкий, Мартос, Гоголь — после 1850 года она не дала ничего соразмерного (можно назвать одного Короленко). В русской культуре гегемония оказалась безраздельно в руках великороссов»¹⁴. Причины этого явления — провинциализация Украины, выразившаяся в движении за «само-

стейность», отрыв от великой русской культуры, которая неизбежно стала общим достоянием двух народов. Надо отметить, что культурное обмельчание на Украине в конце XIX в., названное Савицким «провинциализация», не было им проанализировано на должном уровне. Он скорее ограничился констатацией этого факта, а, указав на «провинциальность» культурного стиля и потенций на Украине, обозначил только свое эмоциональное отношение к этому. Для Савицкого нет страшнее явления, чем провинциализация культуры, быта и жизни. Россия-Евразия есть великая держава, поскольку она несет в себе начала всемирные, общечеловеческие, самобытные и неповторимые.

Здесь кроется определенная проблема увязки у Савицкого понятий «автаркия» и «всемирность», «великость» культуры России-Евразии (понимаемой как Украина+Московия+Зауралье). С одной стороны, Савицкий восхищается именно автаркией Евразии, ее независимостью от культурного и всякого иного влияния Запада, с другой стороны, согласно его же выводам великая культура, замыкаясь в себе, становится провинциальной. Это противоречие Савицкий не проговаривает до конца ясно, в его языке для характеристики культур присутствуют два взаимоисключающих определения, которые он не раскрывает: культура «великая» и «провинциальная». Савицкий доказывал, что Россия, «взятая как целое — есть классическая страна полноты и всеобъемлемости естественно-промышленных ресурсов»¹⁵, полноты культурного, религиозного, этнографического содержания. Савицкий не утверждал, тем не менее, задачу построения замкнутой системы, особенности России-Евразии у него указывают выход на всемирные горизонты: «Совокупность евразийских явлений находится в таком же отношении к мировому целому, как *отдельное* евразийское явление — к целому Евразии»¹⁶. Кроме того, самосознание русских уже обладает чертами вселенскости, о чем говорил Ф.М. Достоевский, так что познать Евразию значит находить выход к проблемам вселенского, или строить евразийскую философию универсализма.

Признаки «великой» и «провинциальной» культуры, как это можно понять из работ Савицкого, маркируются наличием «великих» творцов, личностей, создающих то, что останется в веках. Великим, значительным произведениям противоположны те, что будут забыты. Категория памяти является у Савицкого наиболее значимой в его характеристике культуры и ее артефактов, и, возможно, поэтому важнейшее значение он всегда придавал памятникам архитектуры — храмам, дворцам, монастырским комплексам как зримым и явным для всех свидетелям величия или упадка культуры. Архитектура для Савицкого выполняла функции просвещения и назидания, научения, подобно тому, как прежде икона считалась Библией для неграмотных.

В 20-е гг. евразийцы ждали и пророчествовали о грядущем расцвете культуры. Они утверждали, что революция, сбросив с России чуждый

ей покров европеизации, обнажила глубинные пласты народной жизни, что должно было дать обильные всходы в виде самобытной культуры. Литература 20-х гг. казалось бы оправдывала их ожидания, хотя, если судить беспристрастно, она была скорее «фактом-отголоском» рухнувшей Российской империи, поскольку все ее авторы родились и получили воспитание до революции. Само евразийство было явлением настолько же революционным, насколько и вполне «великодержавным», а все его участники — блестящими представителями самой утонченной дореволюционной культуры, живо отреагировавшими на ее падение.

Культура имеет свою специфику, не связанную с политикой. Она вызревает медленно и укоренена в религиозных началах жизни. Если большевики провозгласили борьбу с религией как часть государственной политики, то ждать расцвета культуры при коммунизме было делом проблематичным. Исчерпав религиозные ресурсы бывшей Российской империи, в том числе и, в первую очередь, поколения людей, родившихся и получивших воспитание в царской России, советская культура постепенно задохнулась и пришла к необходимости повторов и «пробуксовок». В 30-е гг. евразийцы стали с тревогой отмечать упадок творчества в Советской России, а Савицкий, кроме того, с ужасом указывал на факты прямого варварства в отношении драгоценного наследия прошлого. В это время Н.С. Трубецкой пишет статью «Упадок творчества» (1937), а П.Н. Савицкий — две работы «Разрушающие свою Родину» (1936) и «Гибель и воссоздание неоценимых сокровищ (Разгром русского зодческого наследия и необходимость его восстановления)» (1937). К этим работам примыкает и публикуемая ниже статья Савицкого «Кто и что делает русскую культуру “провинциальной”?», сохранившаяся в архиве.

Трубецкой анализировал упадок творчества с точки зрения персонологии. Для него любая культура есть отражение жизни многонародной личности: «...подъем творчества естественно связывается с ощущением собственной мощи и с уверенностью в себе, упадок творчества — с утратой веры в себя. Творчество... является барометром, реагирующим на происходящие глубоко в подсознании движения и изменения, задолго до того, как эти явления дойдут до порога сознания»¹⁷. Трубецкой упоминает работу Савицкого о подъемах и депрессиях в древнерусской истории, но говорит о том, что творчество не связано прямо с этими историческими процессами, поскольку личность (и нация как многонародная личность) выше истории и ее детерминант. Для Трубецкого упадок творчества в Советской России прямо связан с господствующей идеологией, запрещающей любые пути самовыражения, кроме официального курса, указанного коммунистической партией. Трубецкой поражается безвкусицей и безобразным диссонансом советского искусства, которое пытается

показать качество за счет количества. В это время Н.С. Трубецкой и П.Н. Савицкий состояли в переписке, и статья «Упадок творчества» была написана по просьбе Савицкого, озабоченного тревожными явлениями в СССР.

В отличие от Трубецкого, Савицкий не рассматривает культуру из перспективы персонализма, но остается в контексте своей теории фактов. Упомянутые работы Савицкого 1936 и 1937 гг. посвящены теме борьбы против русской культуры, которая велась, по его мнению, не просто с целью строительства современных объектов (например, Дома правительства в Киеве на месте снесенных памятников религиозного зодчества XII в.), но для разрушения исторической памяти народов Евразии. «Оплеватели собственного отечества»¹⁸ подспудно стремились лишить Россию прошлого. Савицкий пишет: «Расправа с лучшими зодческими творениями страны есть покушение на народную культуру»¹⁹. Конечной целью варварских разрушений было насаждение тоталитаризма: «Этнографический материал “без роду, без племени” — что может быть лучше для сторонников “колониального расширения”. Скорее же убрать с лица земли все доказательства, противоречащие этой концепции!»²⁰

Снос шедевров архитектуры, имевших мировое значение, особенно на родной для Савицкого Украине, был для него сильнейшим ударом. Тема зодчества, начиная с самых первых, еще гимназических лет, была для него существенной частью не только его личных увлечений, но и его мировоззрения, одной из составляющих его евразийской концепции. Он вспоминает старинную песню-плач о разрушении Киева Батыем, оплакивая уничтоженные коммунистами шедевры, что было несоизмеримо по последствиям для архитектуры даже по сравнению с временами монгольского нашествия. Савицкий пишет: «В отношении к произведениям зодчества Батыево разорение — сущие пустяки, по сравнению с делами киевских “строителей” 1934 — 1936 гг., продолжающих и сейчас развивать свою “деятельность” во все усиливающихся темпах. В трагических обстоятельствах взятия Киева татарами обрушились своды Десятинной церкви. Но огромное большинство зодческих памятников, известных нам из летописных записей домонгольского времени, пережило Батыево разорение и дошло до последующих поколений. Перенос административного центра Украины из Харькова в Киев оказался в ряде отношений *большей культурной катастрофой, чем Батыево разорение*. Только три года хозяйничают в Киеве горе-“строители”, — и где же Михайловский собор, устоявший в тяжелую годину бесчисленных нашествий? Где Трехсвятительская церковь, которую не могла разрушить до конца рука самых лютых врагов русского и украинского народа?»²¹ Грозно, в эпическом стиле Савицкий предрекает: «Будущие поколения... заклеят проклятием ваши имена и отстроят вновь разрушенные вами памятники»²².

Однако даже в этой трагической ситуации Савицкий надеялся, что в будущем будет создана «Комиссия зодческого восстановления», которая вернет Киеву и другим городам их былую славу. По мнению Савицкого и также вопреки очевидным фактам, русский и украинский народы находятся на восходящей своего развития по исторической кривой. Вслед за экономическим подъемом, верит Савицкий, последует и культурный, согласно закону ритмических пульсаций истории. Революция и традиция как две фазы исторической жизни, сменяющие друг друга, говорят о том, что вслед за разрушением последует и созидание.

Важнейшей составляющей евразийской теории Савицкого, связанной с философией культуры, является его концепция идеократии. В статье «Власть организационной идеи» (1931) Савицкий возвращается к мыслям ранней статьи «Подданство идеи» (1923). Как и в 1923 г., он утверждает господство идеи над историческим процессом. В 30-е гг. идеократия Савицкого становится философской, а не только политической теорией. Речь теперь идет об идее, составляющей государственный и общественный идеал, которая властно возносит одни личности, иногда самые ничтожные, и низлагает другие, даже если они обладают выдающимися качествами, но не соответствуют идее-правительнице. В статье «Власть организационной идеи» Савицкий утверждает *«самостоятельное бытие пронизывающей социальную действительность организационной идеи»*²³ и постулирует существование периодической системы сущего, восходящей к системе организационных идей. По утверждению Савицкого, признаком системы сущего является наличие ритмов, пульсаций, волн развития мировой жизни. Импульсы развития и ритмы задают организационные идеи, весьма активные и подвижные элементы сущего, т.е. *«эйдос управляет явлением»*²⁴, а познание эйдосов и есть задача философии сущего, этим достигается высшее познание. Более того, высшая цель познания управляющих эйдосов — познание первопричины: *«Чрез осознание этого единства пролегает путь к познанию движущей силы мира»*²⁵. Организационными идеями, например, являются идея автаркии или идея государственно-частной системы экономики, у которых есть «способность внедряться в историю»²⁶, поскольку в России во все времена любая власть рано или поздно начинала политику их реализации. Даже советская власть, несмотря на провозглашение интернационализма, строит СССР как автаркический, себе довлеющий мир, а отказ от сочетания государственного и частного начал в экономике приведет к кризису политической и экономической системы.

В философии культуры Савицкого важнейшую роль, таким образом, играют понятия идеи как волевой сущности, структур и ритмов, единства жизни, народной памяти, материального воплощения идей (например, в памятниках архитектуры). Все перечисленное предпола-

гает активный волевой процесс воплощения организационной идеи. Идеи организуют сущее, главной целью их действия оказывается запечатление прекрасного, великого и достойного памяти в веках. Организационная идея понимается как концентрация жизни многонародной личности, теснейшим образом связанной со средой обитания (месторазвития), которое формирует жизнь народа в соответствии с его особенностями. С другой стороны, организационная идея есть замысел Божий о народе, та информация, которую Бог заложил в то или иное месторазвитие при творении. Философской подоплекой такого мировоззрения можно считать христианский платонизм, подобный учению преп. Максима Исповедника. Политическая и практическая ориентированность Савицкого придавала своеобразные черты этому платонизму, преобразуя его в структурализм.

Евразийство начиналось как культуроцентричное мировоззрение²⁷ и отнюдь не утратило первоначальный импульс в течение 20-х и 30-х гг. Современные исследователи зачастую заинтересованы политической составляющей евразийства, его связями с Трестом, превращением движения в организацию с политической программой и т.д. В настоящий момент евразийство как политическая организация и ее проекты (издательские, финансовые, конспиративная деятельность) изучены довольно подробно. Вероятно, наступает время для изучения и оценки философского и научного потенциала евразийства, того нового и ценного, что оно привнесло в жизнь и чем обогатило русскую культуру. Этот потенциал не связан с политикой и текущим моментом, он скорее является мостом, идущим от своего времени, блестящего расцвета русской культуры начала XX в., к дальнейшему воплощению и выявлению потенциала евразийского месторазвития, диктующего размер и размах великой цивилизации.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Антощенко А.В. «Евразия» или «Святая Русь»? – Петрозаводск, 2003. С. 150.

² Глебов С. Евразийство между империей и модерном. – М., 2010. С. 39.

³ См. текст «Единство мироздания» (ГАРФ. Ф. 5783. Оп. 1. Ед. хр. 37. Л. 1 – 10). Последнее по времени переиздание текста см.: Савицкий П.Н. Избранное. – М., 2010. С. 341 – 343.

⁴ См.: Серно П. Структура и целостность. Об интеллектуальных истоках структурализма в центральной и восточной Европе 1920 – 1930-е гг. – М., 2001.

⁵ Ключников С. Восточная ориентация русской культуры // Русский узел евразийства. – М., 1997. С. 30.

⁶ Вахитов Р.Р. Литературоведческие идеи П.Н. Савицкого (предисловие к публикации) // Диалог. Карнавал. Хронотоп. – М., 2011. № 1/2. С. 5.

⁷ Дом русского зарубежья им. А. Солженицына. Коллекция В. Аллоя. Ед. хр. 40. Л. 3 – 3 об.

⁸ См.: Петр Николаевич Савицкий (1895 – 1968). Библиография опубликованных работ / сост. М. Байсвенгер. – Прага, 2008. С. 49.

- ⁹ Савицкий П.Н. Степь и оседлость // Савицкий П.Н. Континент Евразия. – М., 1997. С. 332 – 333.
- ¹⁰ Там же. С. 334.
- ¹¹ Дом русского зарубежья им. А. Солженицына. Коллекция В. Аллоя. Ед. хр. 41. Л. 2.
- ¹² Савицкий П.Н. Историко-географические заметки по поводу новой литературы (заметки евразийца) // Диалог. Карнавал. Хронотоп. – М., 2011. № 1/2. С. 17.
- ¹³ Савицкий П.Н. Великороссия и Украина в русской культуре // Родное слово. 1926. № 8. С. 12.
- ¹⁴ Там же. С. 14.
- ¹⁵ Савицкий П.Н. Месторазвитие русской промышленности. Вопросы индустриализации. – Берлин, 1932. Вып. I. С. 110.
- ¹⁶ Савицкий П.Н. Научные задачи евразийства // Тридцатые годы. Утверждение евразийцев. – Париж, 1931. Кн. 7. С. 59.
- ¹⁷ Трубецкой Н.С. История. Культура. Язык. – М., 1995. С. 444.
- ¹⁸ Савицкий П.Н. Гибель и воссоздание неоценимых сокровищ (Разгром русского зодческого наследия и необходимость его восстановления). – Прага, 1937. С. 3.
- ¹⁹ Там же. С. 24.
- ²⁰ Там же. С. 22.
- ²¹ Там же. С. 10.
- ²² Там же. С. 39.
- ²³ Савицкий П.Н. Власть организационной идеи // Тридцатые годы. Утверждение евразийцев. – Париж, 1931. Кн. 7. С. 133.
- ²⁴ Там же. С. 134.
- ²⁵ Там же.
- ²⁶ Савицкий П.Н. Пятилетний план и хозяйственное развитие страны // Новый град. 1932. № 5. С. 50.
- ²⁷ См.: Соболев А.В. О евразийстве как культуроцентричном мировоззрении // Соболев А.В. О русской философии. – СПб., 2008.

Аннотация

Статья посвящена П.Н. Савицкому и его философии культуры. По мнению автора статьи, философия культуры была важной частью евразийской теории Савицкого. Философия культуры Савицкого основана на его теории «фактов-пророчеств» и «периодической системе сущего», предполагающей единство мироздания.

Ключевые слова: евразийство, философия культуры, русская культура, историософия, культурный структурализм, творчество, архитектура, украинское зодчество, советская литература.

Summary

The article concerns Peter Savitsky and his philosophy of culture, which, according to the author, was an important part of Savitsky's eurasianism. His philosophy of culture is based on the theory of «prophetic facts» and a «periodic system of being», implying the unity of the universe.

Keywords: eurasianism, philosophy of culture, Russian culture, historiosophy, cultural structuralism, art, architecture, Ukrainian architecture, Soviet literature.